

АЛЕКС РУДИН

ТАЙНОВИДЕЦ

ТОМ 13: МАСТЕР НЕВЕЗЕНИЯ

Тайновидец

Алекс Рудин

**Тайновидец. Том 13:
Мастер невезения**

«Автор»

2026

Рудин А.

Тайновидец. Том 13: Мастер невезения / А. Рудин — «Автор»,
2026 — (Тайновидец)

Тринадцатая история о приключениях графа Александра Васильевича Воронцова, которого в Столице называют Тайновидцем. На этот раз начальник Тайной службы просит Тайновидца узнать, кто похитил дар мастера невезения.

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алекс Рудин
Тайновидец. Том 13: Мастер невезения

Глава

Глава 1

Иногда очень приятно болеть.

Ты лежишь в постели, изображая умирающего страдальца, твоё горло обмотано шерстяным шарфом, на лбу — мокрое полотенце, а домашние заботливо хлопочут вокруг тебя, приносят тебе кислый клюквенный морс, горячий куриный бульон, рассказывают новости и вообще всячески о тебе заботятся. И ты чувствуешь, что всем нужен, и все тебя любят.

Красота!

Есть только один человек, который может всё испортить — это целитель с его зельями и порошками.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросила Лиза.

Она потрогала мой лоб, её ладонь была приятно-прохладной.

— У тебя опять температура, — нахмурилась она. — Всё-таки нужно вызвать целителя. Я попрошу Ваню Горчакова приехать.

— Не стоит его беспокоить, — хриплым голосом ответил я. — Мне уже лучше. А есть ещё вкусный клюквенный морс?

— Конечно, — ответила Лиза, наливая морс в стакан из стеклянного графина. — Тебе нужно больше пить.

Она поставила графин на столик, присела на край кровати и грустно вздохнула:

— Ты совсем себя не бережёшь. Зачем было купаться в апреле?

— Это был магический источник, — объяснил я. — К тому же, тёплый. Зато дождь, который начался на обратном пути, оказался очень даже холодным. А полицмейстер, как выяснилось, большой поклонник открытых мобилей — из них, по его словам, удобнее стрелять в дичь, которую пугает шум мотора.

Полицмейстер Викентий Андреевич Смолатов всё-таки заманил меня на охоту в своё загородное поместье Боборыкино. На закате мы прекрасно поохотились на вальдшнепов, а за ужином Викентий Андреевич рассказал мне о магическом источнике, который бьёт неподалёку. По словам местных жителей источник очищал магический дар и возвращал молодость.

Возвращать молодость я не собирался, мне своей хватало. А вот магические свойства источника меня заинтересовали, и утром мы отправились к нему.

Магический источник оказался маленьким озерцом, больше похожим на пруд, но удивительно чистым. Жители Боборыкино сколотили на берегу деревянные мостки, с них-то я и нырнул в прозрачную тёплую воду.

Крохотные пузырьки приятно защекотали кожу. Я прислушался к своему магическому дару — он негромко и ровно гудел. Какие-то магические свойства у здешней воды несомненно были.

— А почему здесь никого нет, кроме нас? — крикнул я полицмейстеру, который дожидался меня на берегу.

— Считается, что в этом источнике вредно купаться чаще одного раза в год, — объяснил полицмейстер. — Магии это не нравится. Местные выбирают для купания более подходящую погоду, а горожанам про источник ничего не известно.

— И хорошо, — рассмеялся я, вытягиваясь на поверхности воды.

Я предусмотрительно захватил с собой большое полотенце и тёплую одежду, но эти меры предосторожности не помогли. На обратном пути нас догнал ливень с холодным ветром, а в поместье мы вернулись, промокнув до нитки.

— Так что мне просто не повезло, — сказал я Лизе. — Ничего, пару дней отлежусь дома, всё равно заняться нечем. А целителя звать не нужно, я и так поправлюсь.

Стоило мне это сказать, как в моём сознании прозвучал знакомый холодный голос. Мне прислал зов Никита Михайлович Зотов.

— Как ваше здоровье, господин Тайновидец? — поинтересовался он. — Слышал, вы простудились?

— Вас не обманули, — признался я. — Лежу в постели, наслаждаюсь насморком и температурой.

— Жаль, — огорчился Никита Михайлович. — Мне очень нужна ваша помощь, но видно, придётся справляться без вас. Хотя, случай очень необычный. Ума не приложу, с какого конца к нему подступиться, вот и решил посоветоваться с вами.

— Что за случай? — насторожился я.

— Долго рассказывать, — ответил Зотов. — Я как раз неподалёку от вашего дома, хотел заехать. Ладно, в другой раз. Выздоровливайте, Александр Васильевич.

— Приезжайте прямо сейчас, — вздохнул я. — Игнат вас впустит.

Я попрощался с Зотовым и посмотрел на Лизу:

— Считаю, что ты меня уговорила. Вызывай целителя, мне нужно как можно быстрее встать на ноги. Сейчас заедет Никита Михайлович, у него случилось что-то интересное. Мы с ним поговорим в кабинете.

С этими словами я сел в постели и нашарил босыми ступнями домашние туфли.

— Новое дело? — рассмеялась Лиза. — У тебя сразу глаза заблестели.

— Это от температуры, — убедительно сказал я.

Но Лиза покачала головой:

— Позвольте вам не поверить, ваше сиятельство. Скоро обед, вы осчастливите нас своим присутствием за столом?

— Осчастливлю, — сдался я. — Куда я денусь?

— К Прасковье Ивановне приехала двоюродная сестра из деревни, — сказал Лиза. — Они давно не виделись. Ты не против, если она остановится у нас — в доме Игната и Прасковьи Ивановны?

— Не против, если ей это удобно, — пожал я плечами. — Дом-то у нас волшебный, к такому не каждый готов.

Я услышал шум мотора и выглянул в окно.

— А вот и Никита Михайлович на своём знаменитом мобиле. Скажи Игнату, чтобы проводил его в кабинет и принёс кофе, а я пока переоденусь.

Переодевшись, я захватил с собой побольше носовых платков и спустился в кабинет. Никита Михайлович уже был там — он стоял, заложив руки за спину, и хмуро смотрел в окно.

— Рад вас видеть, — пронукавил я.

И тут же оглушительно чихнул:

— Апччихи!

Никита Михайлович озабоченно покачал головой:

— Что-то вы совсем расклеились, ваше сиятельство. Уверены, что сможете выдержать разговор? Предупреждаю, коротко не получится.

— Рассказывайте, — кивнул я, опускаясь в кресло и наливая себе кофе.

Из чашки шёл пар, но сколько я ни принюхивался, так и не смог уловить запах. Зато вкус оказался, что надо, и я довольно улыбнулся.

— Наливайте себе кофе и начинайте, — предложил я Зотову.

— С нашим мастером невезения произошла неприятная история, — сказал Зотов.

От неожиданности я чуть не поперхнулся и закашлялся, стараясь не расплескать кофе.

— С кем? С каким мастером?

— Это секретная информация, — вздохнул Зотов. — Приятно слышать, что даже вам она неизвестна. В Имперской судебной системе служат несколько тёмных магов, их называют мастерами невезения.

— И чем они занимаются? — изумился я. — Отнимают удачу?

— Именно так, — кивнул Никита Михайлович. — Но только у преступников, чья вина точно установлена судом. Это не наказание, а мера предосторожности. Как вы думаете, почему из имперских тюрем почти невозможно сбежать? А если кому-то это удаётся, то его быстро ловят.

— Невезение? — удивился я.

— Вот именно, — кивнул Зотов. — Это заслуга мастеров невезения. Они проклинают преступников, и от тех надолго отворачивается удача.

Я не выдержал и рассмеялся — представил себе испуганного злодея и тёмного мага, который нависает над ним, размахивая руками и бормоча зловещее заклинание.

— Рад, что мне удалось поднять вам настроение, Александр Васильевич, — усмехнулся Зотов. — Между прочим, это трудная работа, она требует большой выдержки.

— Поднимать мне настроение? — расхохотался я, и снова чихнул, да так, что из глаз полились слёзы.

— Это как раз нетрудно, — покачал головой Никита Михайлович. — Я говорю о работе мастеров невезения. Закон строго запрещает им проклинать кого-то, кроме преступников, иначе мастер сам окажется в тюремной камере, и глазом моргнуть не успеет. Только на таких условиях Империя разрешает им использовать свой магический дар. И с магией у них какой-то особый договор, но в такие детали я не вникал. Важно понимать одно — маги невезения не могут проклинать каждого, кто подвернётся им под горячую руку.

— Да, в такой ситуации поневоле придётся тренировать терпение, — согласился я. — А куда девается удача, которую они отнимают у преступников? Не может же она исчезать бесследно.

— Хороший вопрос, — кивнул Зотов. — Удача, как вы можете догадаться, переходит самому магу. Вот только использовать её в корыстных целях тоже запрещает закон. Так что маг невезения не может внезапно выиграть в лотерею или получить богатое наследство от незнакомца. Разумеется, в обычной жизни у них всё хорошо — мелкие бытовые неприятности, болезни и несчастные случаи обходят их стороной. Но и только.

— Не завидую я этим магам, — усмехнулся я. — Обладать такой силой и не иметь возможности ею воспользоваться.

— У них нет выбора, — кивнул Зотов. — Либо служба на благо Империи, либо изгнание и полный запрет на магию. К нашему счастью, магов с таким даром очень мало — пять человек на всю Империю, а в Столице только один.

— И что же с ним случилось? — поинтересовался я.

— Он потерял свой дар, — ответил Зотов. — Вернее, его дар стал работать ровно наоборот. Теперь он приносит удачу окружающим, а самому магу достаются только неприятности.

— Колесо повернулось в обратную сторону? Апчхи! Извините. Занятная история, но пока у меня нет никаких версий. Хорошо бы мне самому поговорить с этим магом.

— Я не был уверен, что вы возьмётесь за расследование, поэтому решил сначала сам поговорить с вами, — кивнул Никита Михайлович. — Когда вы сможете с ним повидаться?

Тут в дверь кабинета постучали, и вошёл Игнат с подносом.

— Горячее молоко, ваше сиятельство, — тоном, не допускающим возражений, заявил он. — Елизавета Фёдоровна сама подогрела и велела проследить, чтобы вы непременно выпили.

— Я же согласился на целителя, — возмутился я. — К чему эти издевательства?

— Какое же это издевательство, если народное средство? — возразил Игнат. — Нас с братьями матушка в детстве всегда горячим молоком лечила. И ничего — все выросли. А целитель неизвестно, каким зельем опоит. Меня вот целители от тёмного заклятья сколько лечили, а толку никакого — всё равно не могу вспомнить, как солому в кузов грузил. А господину Прудникову супруга народное средство прописала — память и вернулась.

— Так ты сходи к госпоже Прудниковой на сеанс, — посоветовал я. — Пусть она и тебя полечит.

Деваться было некуда, и я осторожно попробовал молоко. Оно оказалось приторно-сладким, моя любимая супруга, не жалея, бухнула в чашку мёда. К губам мгновенно прилипла противная молочная пенка.

— Пейте, ваше сиятельство, пейте, — сурово кивнул Игнат.

— Пью, — вздохнул я. — Послушай, Игнат, какое интересное дело нам подвернулось. Мастер невезения потерял свой дар, и теперь его преследуют неудачи. Никита Михайлович предлагает ему помочь.

— Чур меня! — выпучил глаза Игнат. — Решать вам, Александр Васильевич, а только не брались бы вы за это дело.

— Почему? — удивился я.

— А если его неудача на вас перейдёт? Или на весь дом перекинется? Кого угодно спросите, каждый скажет, что с неудачами связываться не дело.

— Ерунда, — поморщился Зотов. — Ты путаешь магию с тёмными суевериями. Магический дар ни на кого “перекинуться” не может.

— Народ зря говорить не станет, — упрямо покачал головой Игнат.

Несмотря на огорчение, он внимательно проследил за тем, чтобы я допил молоко, и только после этого поставил чашку на поднос.

— Так в какое время вы сможете увидеться с господином Косогоровым? — снова спросил Никита Михайлович.

И тут наверху раздался звон бьющейся посуды. Испуганный женский голос, в котором явно слышались истеричные нотки истошно завопил:

— Брысь, проклятый!

Игнат и Зотов обернулись на крик, я вскочил с кресла. Дверь распахнулась, в кабинет пулей влетел магический кот Уголёк и, громко шипя, забился под моё кресло.

— Что происходит? — спросил я его.

Кроме любви к паштетам, у Уголька был ещё один важный талант — он умел говорить. Мысленно, конечно.

— Эта женщина швырнула в меня чашкой, — ошарашенно ответил Уголёк. — Откуда она взялась? Не пускай её в кабинет, пожалуйста.

— Какая женщина? — не понял я.

— Не знаю, — ответил магический кот. — Я заглянул на кухню, чтобы поесть, а она там разговаривала с Прасковьей Ивановной. Увидела меня, и как закричит, как размахнётся!

Я наконец-то понял, что Уголёк говорит про гостью, которая приехала к нашей кухарке.

— Наверное, она просто не ожидала увидеть тебя, вот и испугалась, — предположил я.

— Она кричала, что я принесу несчастья, — возмутился Уголёк. — Зачем вы её вообще пустили?

— А действительно, зачем? — удивился я. — И как вышло, что дом не посоветовался со мной?

Я поднял глаза к потолку и задал этот же вопрос своему особняку. Дом помолчал, затем ответил всплеском коротких ментальных импульсов.

Импульсы вспыхнули так быстро, что я почти ничего не разобрал. Но мне показалось, что особняк жалуется на магического кота.

Зато Уголёк всё отлично понял.

— Ну, ладно, это я разодрал диван в гостиной, — угрюмо признался он. — Но я же кот, мне нужно точить когти!

— Вот оно что, — понял я. — Давайте договоримся, больше никакой вражды. Все разногласия решаем путём переговоров. Диван отправим в мастерскую, а тебе я куплю когтеточку. И поговорю с гостьей Прасковьи Ивановны, нужно её успокоить.

— Александр Васильевич, вы меня слышите? — нетерпеливо позвал Зотов.

Я поморгал и понял, что он спрашивает не в первый раз.

— Не обращайтесь внимания, — сказал я. — Меня отвлекли небольшие семейные разногласия. На чём мы остановились?

— Я спросил, когда вы сможете увидеться с мастером невезения.

Я посмотрел в окно и увидел, что возле нашей калитки остановился мобиль Ивана Горчакова. Целитель прибыл по мою душу, теперь он быстро поставит меня на ноги.

— Пусть ваш маг приезжает ко мне после обеда, — решил я.

— А вы неплохо устроились, — усмехнулся Зотов. — Скоро откроете своё детективное агентство, и будете распутывать магические загадки, не выходя из дома. Этот кабинет прекрасно заменит вам контору. Ладно, я сам привезу господина Косогорова часа через три. Вы ведь будете дома?

— Куда я денусь? — кивнул я и высморкался в платок. — А вы не хотите остаться на обед?

— Очень хочу, — вздохнул Никита Михайлович, — но не могу. Поеду к нашему эксперту, он задолжал мне отчёты сразу по трём делам. Заодно отниму у него бутерброд, если повезёт.

Глава 2

Даже магия не избавляет от простуды мгновенно. Невыносимо-горький порошок, который Иван растворил в горячей воде, заставил меня чихать до слёз. Но после этого я почувствовал себя лучше — жар спал, и ломота в теле почти прошла. Остались только насморк и слабость, зато вернулся аппетит.

— Завтра будешь совершенно здоров, — подбодрил меня Иван.

— Останешься на обед? — спросил я.

— Не сегодня, — покачал головой Горчаков. — Нужно пораньше разобраться с делами в госпитале, вечером у меня свидание.

— Рад за тебя, — я дружески хлопнул Ивана по плечу. — Я её знаю?

— Вряд ли, — улыбнулся Иван. — Но у тебя будет шанс познакомиться. Осенью Наташа хочет поступать в Магическую академию, на курс целительства.

— Ты всерьёз думаешь, что я собираюсь ждать до осени? — изумился я. — В таком случае, ты меня плохо знаешь.

— На следующей неделе мы собираемся на выставку магических скульптур, — сдался Иван. — Можем встретиться там.

— Выставка магических скульптур? — удивился я. — Странно, что я ничего об этом не знаю. Нужно будет поинтересоваться у Лизы.

Я проводил Ивана до двери, а затем поднялся на второй этаж. Аня и Прасковья Ивановна уже накрывали на стол.

— Что у нас на обед? — потирая руки, спросил я.

— Ваши любимые щи с говядиной и рыбный пирог, — ответила Прасковья Ивановна.

Это только звучало просто. На самом деле, щи Прасковьи Ивановны было не стыдно подать на стол самому императору. Собственно говоря, император и наворачивал их с удовольствием, когда заглянул как-то к нам на обед.

Прасковья Ивановна томила щи в глиняном горшке под корочкой из теста до тех пор, пока они не становились густыми, а мясо не начинало распадаться на нежные волокна. Добавьте сюда густую сметану прямиком с фермы Степана Митрохина, свежий домашний хлеб с жёлтым сливочным маслом и вы поймёте, как это вкусно!

Что касается рыбного пирога, то под тонким тестом скрывалась сочная начинка из трёх видов рыбы. По секрету Прасковья Ивановна сказала мне, что кроме форели и судака непременно добавляет в начинку сома — его жирное мясо и придаёт начинке сочность.

Неудивительно, что мой желудок нетерпеливо заурчал, а рот наполнился слюной.

— А где ваша сестра? — спросил я Прасковью Ивановну, пока она разливала по тарелкам дымящиеся щи. — Надеюсь, Уголёк не очень её напугал?

Кот, которому уже щедро положили в миску свежий паштет, возмущённо посмотрел на меня.

— Неизвестно ещё, кто кого напугал, — мяукнул он.

— Как услышала, что у нас принято обедать вместе, так побежала переодеваться к столу, — покачала головой Прасковья Ивановна. — Вы уж не сердитесь, Александр Васильевич. Я предложила ей в своей квартире пожить, а она сюда напросилась.

— Если дом её впустил, значит, всё в порядке, — успокоил я кухарку. — К тому же, она приехала повидаться с вами.

— Место она искать приехала, — вздохнула Прасковья Ивановна. — За десять лет ни разу письма не написала, а как услышала, что я в графском доме служу, так и примчалась. А мне неудобно её с порога завернуть, родня всё-таки.

— Уверен, что в Столице она сможет найти хорошую службу, — улыбнулся я.

— Так она у вас служить хочет, Александр Васильевич. Уже удочку закидывала, надеется, что я за неё попрошу.

— Нам, кажется, и так хорошо, — ответил я. — Но я поговорю с вашей сестрой. Постараюсь вежливо объяснить, что ей лучше поискать другое место.

— Спасибо, Александр Васильевич, — благодарно кивнула кухарка.

Я не стал упрекать особняк за то, что он впустил нежеланную гостью. Вреда от неё быть не могло, а особняк надеялся таким образом вразумить магического кота. Какому же дому понравится, что портят мебель?

Но дом почувствовал моё настроение и сам прислал мне успокаивающий ментальный импульс. Как будто хотел сказать — я это всё устроил, я и разберусь.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я.

Потянулся за хлебом и нечаянно зацепил рукавом солонку. Она опрокинулась, и соль высыпалась на стол.

— Началось, — мрачно пробурчал Игнат. — Ох, зря вы за дело этого мага взялись, Александр Васильевич, не к добру это.

— Что за дело? — с интересом спросила Лиза.

— Потом расскажу, — пообещал я. — У меня есть новость куда интереснее. Ваня Горчаков рассказал мне, что на следующей неделе в Столице состоится выставка магических скульптур, и я удивлён тем, что ты в ней не участвуешь. Или участвуешь, просто я об этом не слышал?

— Я не стала подавать заявку, — вздохнула Лиза. — Ну, какой из меня скульптор?

— Скульптор из тебя замечательный, — твёрдо ответил я. — Решать тебе, но я горжусь тем, что твои скульптуры украшают парк Императорской магической академии. Кстати, Его Величеству они тоже нравятся, он сам мне говорил.

— Правда? — покраснела Лиза. — Тогда я подумаю. Если ещё не поздно, конечно.

— Наверное, у выставки есть какие-то организаторы, — предположил я. — Попробую с ними поговорить.

— Выставку организует Императорская академия художеств, — кивнула Лиза.

— Коллеги, — улыбнулся я. — Тем лучше, уверен, что мы найдём общий язык.

— А я вот не уверена, — призналась Лиза. — Там все знаменитые художники, скульпторы и архитекторы. А я просто любитель. Они будут смеяться над моими работами.

— Давай спросим об этом их самих, — предложил я. — Откажут — значит, откажут. По крайней мере, ты будешь знать, что попыталась.

— Спасибо, — улыбнулась Лиза.

— Что-то ваша сестра задерживается, — сказал я Прасковье Ивановне, отодвигая тарелку. — А из кухни почему-то пахнет дымом.

— Батюшки, пирог! — всполошилась кухарка.

Наперегонки с Анютой они бросились в кухню спасать выпечку.

— А я говорил, — мрачно кивнул Игнат. — Не к добру это.

— Обычная случайность, — улыбнулся я. — Ты же слышал, что сказал Никита Михайлович? Теперь мастер невезения приносит окружающим удачу.

— Это как посмотреть, — упрямо проворчал Игнат.

Пирог всё же спасли. Он и подгорел-то лишь с одного боку, и вкус при этом не потерял. Но Прасковья Ивановна всё равно расстроилась.

— Что за день такой сегодня, — причитала она. — То Акулина как снег на голову свалилась, то чуть пирог не сожгла.

— Думаю, вам просто нужно отдохнуть, — успокоил я кухарку.

И выглянул в окно.

— А вот и Никита Михайлович с нашим пострадавшим. Пойду, встречу их.

Я набросил на себя пальто и вышел на крыльцо.

— Ну куда вы без шапки, ваше сиятельство? — укоризненно ворчал мне в спину Игнат.
— Опять простудитесь.

Не обращая внимания на его ворчание, я подошёл к калитке.

Мастеру невезения едва ли исполнилось тридцать. Он оказался высоким и худым, к тому же выглядел порядком растерянным. Подмышкой он держал длинный чёрный зонт.

— Знакомьтесь, — кивнул Зотов. — Лукьян Матвеевич Косогоров, мастер невезения. А это граф Александр Васильевич Воронцов.

— Я много слышал о вас, господин Тайновидец, — с надеждой кивнул Косогоров.

Он говорил мягким баритоном. Трудно представить, что таким голосом можно кого-то проклинать.

— Дотроньтесь до калитки, — предложил я.

Мастер невезения послушно положил ладонь на чугунные прутья. Бронзовые колокольчики на ограде удивлённо зазвенели.

— Что скажешь? — беззвучно поинтересовался я у своего особняка.

Дом секунду помедлил, а потом ответил тёплым ментальным импульсом.

— Прошу, — улыбнулся я, открывая калитку.

И тут же убедился, что Никита Михайлович несколько не преувеличил, рассказывая о неприятностях, которые свалились на голову мастера невезения.

Входя, Косогоров умудрился зацепиться карманом пальто за проушину замка. Дорогая тёмная ткань треснула, и пальто разошлось по шву.

— Осторожнее, — запоздало предупредил я.

— Простите, — покраснел Лукьян Матвеевич.

Я прислушался к его эмоциям и с удивлением понял, что он расстроен и смущён происшествием, но несколько не злится. А ведь людям свойственно злиться на себя за собственную неловкость.

В эмоциях мастера невезения скорее была покорность. Как будто он пытался смириться с неожиданной переменой своего дара.

На крыльце Косогоров каким-то невероятным образом споткнулся и больно ударился коленом о ступеньку. Но и тут сумел удержать себя в руках, только привычно пробормотал извинения.

— Вы всегда так сдержанны? — поинтересовался я, открывая перед ним дверь кабинета.

— Конечно, — удивлённо кивнул Лукьян Матвеевич. — По-другому нельзя, у меня же тёмный дар. Никита Михайлович, наверное, вам рассказывал.

Когда я предложил ему кресло, он сначала надавил ладонью на сиденье и только потом сел. Но и тут не расслабился — сидел с прямой спиной, как будто готовился в любой момент вскочить на ноги.

Я сел за свой письменный стол и с интересом посмотрел на мастера невезения.

— Честно говоря, сегодня утром я впервые услышал о вашем магическом даре. Можете рассказать о нём подробнее?

— Он проявился ещё в детстве, — вздохнул Косогоров. — Вы же знаете, что такое мальчишки? Постоянное соперничество, азарт. И злость, конечно. Мне было восемь лет, я подрался с мальчишкой на два года старше меня. Он мне тогда нос разбил, было больно и обидно. Я и пожелал, чтобы он переломал себе кости. Просто выкрикнул вслух от обиды. А на следующий день он свалился с дерева. Хорошо, что успели довести до целителя, тот вправил сломанные кости и залечил их.

— А что было с вами? — нахмурился я.

— Родители отвели меня в местное управление Тайной службы, и менталист определил, что во мне проявился тёмный дар. А когда я на следующий день вышел на улицу, оказалось, что друзей у меня больше нет.

Косогоров чуть подался вперёд.

— Я не хотел такого дара, господин Тайновидец, поверьте. Но что я мог сделать? Городок у нас маленький, наша семья быстро превратилась в изгоев. Родителей жалели, меня сторонились, принимать нас никто не хотел. Тогда отец принял единственное правильное решение — мы переехали в Столицу, и меня отдали в пансионат, под постоянный присмотр опытных наставников.

Лукьян Матвеевич снова выпрямился.

— Только потом я понял, как мне повезло. В пансионате я получил образование. И что намного важнее — меня научили держать свои чувства под контролем, днём и ночью. Учителя смогли объяснить мне, что это единственное спасение для меня.

Косогоров говорил ровно, он не пытался меня разжалобить. Но за каждым его словом стояло столько невысказанной боли, что у меня по спине побежали мурашки.

— Я занимался дыхательными техниками, — продолжал он. — А сам ждал, когда же наступил день Выбора Пути. Мне была нужна подсказка от магии, чтобы понять — как жить дальше. Помню, как я вошёл в храм через завесу силового поля, как протянул ладонь над алтарём. И магия дала подсказку.

— Вам выпал путь Служения? — догадался я.

— Да, — кивнул Косогоров. — Это был мой шанс, потому что я больше не мог подавлять свой дар. Однажды он бы просто убил меня.

— Вы общаетесь со своей семьёй? — спросил я.

— Конечно, — удивился Лукьян Матвеевич. — Я не держу обиды на родителей, если вы об этом. Они не могли оставить меня дома, но все выходные я проводил с ними.

Он скованно улыбнулся.

— И своя семья у меня тоже есть. Жена и две дочери. Жене со мной нелегко, вы же понимаете, что я вынужден контролировать себя даже во сне. Но она любит меня.

О себе он не сказал, но и так было понятно, что мастер невезения обожает свою жену.

— Теперь необходимости в контроле нет, — напомнил я. — Кстати, как вы поняли, что ваш дар изменился?

— Поскользнулся в ванной и здорово приложился затылком, — усмехнулся Косогоров. — До сих пор болит.

— Когда это было?

— Неделью назад.

Я удивлённо посмотрел на Зотова.

— Получается, вы ждали неделю и только после этого пришли ко мне?

— Я не ждал, — поморщился Зотов. — Господин Косогоров только вчера сообщил о том, что с ним произошло.

— Почему? — поинтересовался я.

— Мне нужно было подумать, — уклончиво ответил мастер невезения.

Я почувствовал, что Лукьян Матвеевич что-то не договаривает, но давить на него не спешил.

Вместо этого приветливо предложил:

— Давайте вернёмся в тот день, когда вы получили свой Путь. Господин полковник упомянул, что вы заключили какой-то особый договор с магией. В чём суть этого договора?

Глава 3

Косогоров сразу помрачнел. Было видно, что он не хочет говорить, поэтому я повторил вопрос:

— О чём вы договорились с магией?

— Я надеялся, что вы не спросите об этом, — вздохнул мастер невезения. — Понимаете, господин Тайновидец, мне очень не хотелось становиться тёмным магом. Я хорошо представлял себе, что меня ожидает в этом случае. Пришлось бы скрываться от полиции, отказаться от надежды на спокойную жизнь. Я никогда не смог бы завести семью...

Он снова вздохнул и замолчал.

Зотов сурово нахмурился.

— Мне теперь тоже интересно, что потребовала от вас магия. Говорите, Лукьян Матвеевич.

— Это не она потребовала, а я, — с несчастным видом признался Косогоров. — Магии-то было всё равно. Это я настоял на том, что буду проклинать только виновных в нарушении законов Империи. И за это получу возможность развивать свой дар.

— А если вы ошибётесь? — изумлённо спросил я. — Что тогда с вами произойдёт?

— Я точно не знаю, — грустно пожал плечами Лукьян Матвеевич. — Вы же знаете, магия не говорит словами. Я всегда думал, что в случае ошибки потеряю свою магическую силу. Но случилось по-другому.

— Почему вы раньше об этом не сказали? — не выдержал Зотов. — Это непростительное легкомыслие, господин Косогоров!

Я мог бы ответить на вопрос Никиты Михайловича, потому что за время разговора хорошо разобрался в эмоциях мастера невезения.

Он надеялся, что рано или поздно допустит ошибку. Хотел избавиться от тёмного дара и вздохнуть спокойно, и теперь испытывал облегчение.

— Я собирался сказать своему начальству, — виновато ответил Лукьян Матвеевич. — Но откладывал до последнего.

— Ладно, теперь не время искать виноватых, — поморщился Зотов. — Сейчас нам нужно найти невиновного. Придётся проверить последний приговор. Давайте-ка начистоту, господин Косогоров — вы прямо в камере почувствовали, что ваш дар изменился?

— Нет, — покачал головой мастер невезения. — Я почувствовал перемену только три дня тому назад.

— А когда вы проклинали последнего арестанта?

— На прошлой неделе. Но я сам читал дело, его вина установлена полностью. Этого человека поймали с поличным, когда он пытался ограбить дом князя Долгорукова. Да он и сам признался, что хотел пробраться в кабинет князя и украсть деньги.

— В деле замешан князь Долгоруков? — заинтересовался я. — Хорошо бы поговорить с ним, но тут я вам не помощник. Князь не станет разговаривать со мной, он меня терпеть не может.

— Зато со мной поговорит как миленький, — угрюмо кивнул Никита Михайлович. — Хотя в этом деле князь — потерпевший.

Он снова посмотрел на Косогорова.

— Припомните, как звали преступника, это здорово сэкономит мне время.

— Сидор Кошкин, — послушно ответил мастер невезения. — Его трижды арестовывали за квартирные кражи и ссылали на каторгу, так написано в его деле. Несколько месяцев назад снова отправили в Архангельскую губернию, так он опять сбежал. Вот меня и привлекли в этому делу.

— Кошкин? — удивился я. — Где-то я слышал эту фамилию.

— У вас хорошая память, Александр Васильевич, — усмехнулся Зотов. — Это он пытался ограбить дом скульптора Померанцева, в котором сейчас живёт ваш приятель Михаил Кожемяко.

— Конечно, — обрадовался я. — Вор-домушник по кличке Домовой. Значит, он опять сбежал с каторги?

— Не без вашей помощи, — ехидно напомнил Никита Михайлович. — Ему в прошлый раз грозили Нерчинские рудники, но вам позарез понадобились его показания, и вы хлопотали, чтобы Нерчинск ему заменили Архангельском.

— Как будто вы так не делаете? — не поддался я.

— Делаем, конечно, — кивнул Зотов. — Это обычная практика. Что ж, я уверен, что Кошкин тут ни при чём. Уж кто-кто, а он точно заслужил каторгу.

Начальник Тайной службы озабоченно потёр подбородок.

— Придётся поднимать другие дела. Или полиция где-то крепко напортачила, или...

Зотов не договорил, но и без этого было понятно, что его тревожит. Тайная служба тоже могла ошибиться.

— Кажется, у нас появилась версия, — улыбнулся я. — Не хотите ли по этому поводу выпить кофе, господа? Прасковья Ивановна испекла замечательный рыбный пирог.

— Я надеялся, что вы это предложите, — признался Зотов. — Господин эксперт сумел меня перехитрить — он позавтракал раньше, чем я до него добрался, так что я остался голодным.

— А мне чаю, если можно, — нерешительно сказал Косоголов.

— Можно, — рассмеялся я. — Есть кофе, чай, и даже клюквенный морс.

Мастер невезения удивлённо поглядывал то на меня, то на Зотова. Наверное, он пытался понять, почему мы ведём себя так непринуждённо.

— Мы с Александром Васильевичем давно работаем вместе, — объяснил ему Зотов. — Раскрыли несколько интересных дел. Только господину Воронцову повезло больше, чем мне — ему не нужно отчитываться перед Имперским казначейством и его величеством.

— Зато мне и жалованье не платят, — пригорюнился я.

А сам тем временем послал зов Игнату:

— Будь добр, скажи Анюте, чтобы принесла в кабинет блюдо с пирогом, чай и кофе.

Посылать зов горничной я не стал — она до сих пор пугалась, когда я это делал. Правда Лиза утверждала, что Аня стесняется, но я-то чувствовал её испуг.

— Я сам принесу, Александр Васильевич, — ответил Игнат. — Не извольте беспокоиться.

Сказал он это таким мрачным тоном, что я как раз забеспокоился.

— У нас всё в порядке? — на всякий случай спросил я.

— Как вам сказать, — похоронным голосом ответил Игнат. — Акулина, сестра Прасковьи Ивановны куда-то запропастилась, Прасковья с Анютой её и разыскивают. А так всё хорошо.

— Как это “запропастилась”? — изумился я. — В город ушла?

— Кто же её знает? — вопросом на вопрос ответил Игнат. — Может, и в город. Прасковья Ивановна пошла звать сестру к обеду, а её нигде нет.

— А зов ей посылали? — нахмурился я.

— Не владеет она этой магической премудростью, ваше сиятельство. А если бы и владела — что толку-то? Если уж неприятности начались, так от них не отвяжешься.

Похоже, Игнат твёрдо уверовал в то, что мастер невезения принесёт нам несчастье, а у меня не было времени его переубедить.

— Ладно, ты пока неси кофе, а я попробую узнать у особняка, куда подевалась наша гостья, — решил я.

Никита Михайлович нетерпеливо посмотрел на меня.

— Кофе и пирог сейчас принесут, — сказал я. — А мне нужна ещё пара минут, чтобы уладить кое-какие домашние дела. Прошу прощения, господа.

Зотов неохотно кивнул, а мастер невезения пропустил мои слова мимо ушей — он крепко задумался о чём-то.

Я вздохнул и спросил у своего особняка:

— Что случилось с сестрой Прасковьи Ивановны?

В ответ особняк прислал мягкий успокаивающий импульс, похожий на тёплую волну. Мол, ничего особенного, всё под контролем. Но мне в этом импульсе почудилась озорная усмешка.

— Ты уверен, что беспокоиться не о чем? — строго уточнил я. — Ох, довеселитесь вы у меня.

Ещё один тёплый импульс отозвался щекоткой во всём теле. Кажется, дом не принял моё предостережение всерьёз.

В дверь постучали, и в кабинет вошёл Игнат с подносом.

Он поставил на стол блюдо с пирогом и налил кофе мне и Никите Михайловичу. Затем неохотно поставил на журнальный столик рядом с мастером невезения чайную чашку.

— Прошу, — буркнул он.

Косогоров вздрогнул, очнувшись от невесёлых мыслей.

— Благодарю вас, — виновато сказал он и потянулся за чашкой, но совершенно невыносимым образом зацепился пуговицей обшлага за прихотливо изогнутую ручку.

Чашка опрокинулась, и горячий чай чуть не выплеснулся прямо на колени мастеру невезения.

— Придётся ковёр чистить, — несчастным голосом сказал Игнат. — Говорил я вам, ваше сиятельство.

— Потом разберёмся, — отмахнулся я. — Можешь идти, только принеси господину Косогорову ещё чаю.

— Не нужно, — покраснел мастер невезения. — Я как-нибудь обойдусь. Вы же видите, чем это грозит.

— Вижу, — сочувственно кивнул я. — Но даже невезение не стоит того, чтобы из-за него оставаться голодным.

Игнат принёс ещё чаю, и на этот раз обошлось без происшествий. Косогоров съел кусок пирога, сделал несколько глотков и приободрился.

— Нелегко всё время быть настороже, — признался он. — Вчера я чуть не угодил под машину, когда вышел на улицу.

— Думаю, вам лучше какое-то время побыть дома, — сказал я. — Никита Михайлович сумеет договориться с вашим начальством. А мы пока подумаем, как вам помочь.

Игнат, похоже, не собирался покидать кабинет. Он молча застыл возле двери и не сводил глаз с Косогорова.

— Что-то ещё? — спросил я его.

— Посуду унесу, как господа покушают, — ответил Игнат. — Вы не обращайтесь на меня внимания, ваше сиятельство.

— Как я могу не обращать на тебя внимания, если ты торчишь столбом возле двери? — изумился я. — Послушай, с господином Косогоровым случилась беда, но своей назойливостью ты никак не поможешь делу. Ступай.

Игнат неохотно вышел, с укоризной посмотрев на меня. Он не забыл плотно прикрыть дверь, но шагов на лестнице я не услышал. Похоже, упрямый старик остался караулить в прихожей.

Мысленно махнув на него рукой, я предложил:

— Вернёмся к нашему разговору. Никита Михайлович, полагаю, что в бумажной работе моя помощь вам не нужна. Но вы всё-таки покажите мне дела, которые вызовут у вас подозрение.

— Обязательно, — кивнул Зотов. — А к вам у меня будет настоятельная просьба. Вы ведь на короткой ноге с магией, Александр Васильевич. Может быть, получится вернуть дар господину Косогорову?

— Возможно, — согласился я. — Но я не уверен, что сам Лукьян Матвеевич этого хочет.

— Ерунда, — нетерпеливо отмахнулся Зотов.

Косогоров промолчал, и Никита Михайлович удивлённо посмотрел на него.

— Господин Тайновидец прав? Вы не хотите вернуть свой дар?

— Не знаю, — ответил мастер невезения. — Думаю, я заслужил утрату дара.

— Бросьте, — поморщился Зотов. — Что ещё за детские рассуждения? Если ваш дар не вернётся, вы потеряете службу, подумайте об этом. Вам ведь нужно кормить семью? А мне нужно разобраться в том, что произошло с вашим даром.

— Наверное, вы правы, — согласился Косогоров.

Но радости в его голосе я не услышал.

— Подумайте хорошенько, — посоветовал я. — И постарайтесь понять, чего вы хотите. Без этого говорить с магией не имеет смысла.

— Мы поедem, — решил Зотов. — Лукьян Матвеевич, я отвезу вас прямо домой и провожу до входной двери. Из дома не выходите даже в лавку. И не вздумайте появляться на службе, это приказ. Ваше начальство я предупрежу.

Я вышел в прихожую проводить гостей. Как я и ожидал, Игнат был тут. Он раздобыл где-то тряпку и теперь старательно протирал ореховую раму старого зеркала. Рама была покрыта тонкой резьбой, и Игнат уделял внимание каждой завитушке.

Косогоров надел пальто, с грустью посмотрев на разорванный карман. Затем зажал подмышкой зонт и повернулся ко мне:

— Благодарю вас, господин Тайновидец... — начал он.

Дзынь!

Острый конец зонта с размаха врезался в зеркало. Тяжёлая рама покачнулась и чуть не соскочила с гвоздя, но Игнат успел её подхватить. Мы с Никитой Михайловичем помогли старику повесить зеркало на место.

— Целёхонько, — с облегчением выдохнул Игнат. — Повезло. Зеркало разбить — к большой беде.

— Простите, — виновато пробормотал Косогоров. — От меня столько хлопот.

— Мы постараемся распутать это дело как можно скорее, — подбодрил я мастера невезения.

Посмотрел на суровое лицо Игната, не удержался и с улыбкой добавил:

— Надеюсь, нам повезёт.

— Жалко его, — неожиданно сказал Игнат, когда гости уехали. — Вы уж помогите ему, ваше сиятельство. А это невезение мы переживём, не сомневайтесь. И не такое случалось.

— Вот это другое дело, — улыбнулся я. — Узнай-ка у Прасковьи Ивановны, как продвигаются поиски.

Словно в ответ на мои слова за дверью кабинета кто-то испуганно заскулил:

— Да что же это делается-то? Когда же магия проклятушая меня отпустит?

— Это ещё кто? — изумился я и распахнул дверь.

Едва не сбив меня с ног, из кабинета выскочила незнакомая женщина, больше похожая на огородное пугало. Её кургузое пальто мышиного цвета было испачкано побелкой, на выщипанных бровях налипла паутина.

Женщина тащила за собой большой чемодан.

Увидев раскрытую входную дверь женщина мышью шмыгнула на крыльцо и побежала к калитке.

— Акулина, ты куда? — крикнул ей вслед Игнат.

— Подальше отседова, — не оборачиваясь, ответила женщина. — Пропадите вы все вместе со своей магией! Я на вас в полицию напишу!

Она всем телом толкнула калитку и вылетела за ограду.

Калитка сама собой захлопнулась, а бронзовые колокольчики на ограде весело зазвенели.

Магический кот Уголёк вышел на крыльцо и лениво потянулся.

— Она серебряные ложки из буфета хотела стащить, — мяукнул он. — Думала, никто не заметит, а мы с Фомой увидели, и дом тоже. Вот он и решил её покружить немного.

— Не вздумайте рассказать об этом Прасковье Ивановне, — нахмурился я.

Глава 4

Но Прасковья Ивановна сама обо всём узнала. Я поднялся в кухню и увидел, что она сидит, уронив полные руки и глядя в окно, а по её щекам текут слёзы обиды.

Анюта мыла посуду, стараясь лишний раз не звякать тарелками.

Когда я вошёл, Прасковья Ивановна вскочила со стула.

— Простите меня, дуру старую, ваше сиятельство. Я-то надеялась, что Акулина за ум взялась. Да и жалко её стало — родня всё же. Если б я только знала, что она задумала.

Лицо кухарки покраснело от стыда за сестру, она едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

Пришлось срочно спасать ситуацию.

— Жаль, что так случилось, но вы ни в чём не виноваты, — мягко сказал я. — Никто не должен отвечать за другого человека, и неважно, родственник он или нет.

— Так ведь это я её в дом привела, — опустил голову, пробормотала Прасковья Ивановна. — Добра ей хотела. А мне бы подумать — с чего это она вдруг в Столицу приехала.

— Нехорошо вышло, — согласился я. — Но вашей вины в этом нет. Если хотите, я поговорю с вашей сестрой. Объясню, что так себя вести не годится.

— Да я сама её отругаю, ваше сиятельство, — испуганно возразила Прасковья Ивановна. — Я из неё душу вытрясу. Хоть и паршивая овца, а что же с ней поделать? Другой родни у меня нет.

Игнат, который поднялся в кухню следом за мной, сурово откашлялся:

— Как это у тебя другой родни нет? А мы тебе кто?

Прасковья Ивановна снова покраснела и закрыла лицо руками.

— Сама не знаю, что говорю, дура старая! Простите меня, Александр Васильевич! И ты, Игнат, прости. А сестру я обратно в деревню отправлю, там ей самое место.

— Если вашей сестре потребуются деньги на обратную дорогу, дайте мне знать, — кивнул я.

Зелье, которым напоил меня Иван Горчаков наконец-то подействовало. Моя простуда полностью прошла, и мне захотелось на свежий воздух.

— Прокатимся в академию Художеств? — предложил я Лизе. — Я был бы рад увидеть твои скульптуры на предстоящей выставке, но для этого нужно ведь подать заявку на участие, я правильно понимаю?

— Я уже подала, — с мрачным видом ответила Лиза. — Пока ты разговаривал с Никитой Михайловичем и его гостем, я послала зов секретарю директора академии. Но мне отказали.

— Как это? — изумился я. — Почему?

— Со мной очень любезно поговорили и напомнили, что у меня нет художественного образования. А без него я считаюсь любителем, который не заслуживает внимания серьёзных ценителей искусства.

Лиза прикусила губу, чтобы не расплакаться.

— У тебя замечательные работы, — твёрдо сказал я. — А эти закостеневшие чинуши от искусства просто ничего не понимают. Я сейчас съезжу к директору академии, пусть он повторит свой отказ мне в лицо. Уверен, он просто завидует твоему таланту, но я выведу его на чистую воду.

— Даже если меня допустят к выставке, получится, что я напросилась, да ещё с твоей помощью, — нахмурилась Лиза. — Это... не по-настоящему.

— Талант не должен терпеливо ждать, пока на него соизволят обратить внимание, — терпеливо сказал я. — Мне кажется, ты напрасно слушаешь мнение отдельных чиновников. Пусть даже у них посты и регалии, это не даёт им права решать твою судьбу. Творчество должны

оценивать все люди, а не только избранные. Вот эту простую мысль я и постараюсь донести до директора академии Художеств. Но ты права, лучше мне поговорить с ним наедине.

— А я пока отправлюсь в мастерскую, — кивнула Лиза. — Мне нужно успокоиться, а работа помогает лучше всего.

— Вот, и замечательно, — улыбнулся я. — Заеду за тобой после разговора с директором.

Я не стал вызывать извозчика, а вместо этого выкатил из гаража свой спортивный мобиль. Всю зиму он простоял без дела — не разъезжать же на кабриолете по заснеженным улицам Столицы. Но теперь пришло время прокатиться с ветерком.

Я стёр мягкой тряпочкой пыль с передней панели и запустил мотор. Он нетерпеливо заурчал, как будто вместе со мной радовался предстоящей поездке.

Я выкатил мобиль из гаража и медленно доехал до Шепчущего моста, заново привыкая к управлению магической машиной. Затем свернул на набережную и прибавил скорость.

Свежий весенний ветер свистел, огибая лобовое стекло. Справа мелькали роскошные особняки столичной аристократии — некоторые уже сверкали чисто вымытыми окнами. Слева тянулась широкая лента реки. На серой воде покачивались одинокие льдины, которые ещё не унесло течением в залив.

Большая морская чайка попыталась соревноваться со мной в скорости. Она стремительно махала узкими крыльями и беззвучно разевала жёлтый клюв, кося на меня блестящим глазом.

— Эге-гей! — весело крикнул я, и чайка испуганно шарахнулась в сторону.

Затем спикировала к волнам и выхватила из воды серебристую рыбёшку.

Академия Художеств находилась на Васильевском острове. Величественное длинное здание с центральной башней смотрелось в Неву.

Я остановил мобиль у тротуара и пошёл к главному входу.

Здесь вовсю готовились к выставке. То и дело подъезжали грузовые мобили, широкие двери академии были распахнуты настежь, а квалифицированные маги воздуха осторожно проносили через них огромные ящики, в которых лежали бережно упакованные скульптуры. Ящики тяжело раскачивались и норовили задеть углами за дверной проём.

Поблизости от входа сгущали несколько полицейских. Они ещё не перешли на летнюю форму и потели в тяжёлых зимних шинелях.

Зевак было немного, и я отлично понимал горожан. Скучно глазеть на заколоченные ящики. Куда интереснее прогуляться вдоль набережной и поискать открытое кафе с необременительными зимними ценами. Тем более, что некоторые заведения уже вынесли на террасы столики и лёгкие плетёные кресла, сидя в которых так приятно пить кофе и любоваться весенней рекой.

Я дождался, пока маги воздуха внесут очередной ящик, и вошёл в просторный холл академии. Здесь было сумрачно и прохладно, шаги и голоса магов воздуха отдавались под высокими сводами потолка. Вдоль стен стояли статуи из белого камня, это были копии греческих и римских скульптур.

Бдительный швейцар в тёмно-синем мундире отважно бросился мне наперерез.

— Вы куда, ваша милость? — спросил он, невзначай загораживая проход. — Выставка ещё закрыта.

— Я хочу видеть директора академии, — объяснил я. — Доложите ему, что его спрашивает граф Александр Васильевич Воронцов.

Моя фамилия произвела впечатление на швейцара, и он отступил на шаг:

— Его превосходительство сейчас занят. Пишет в башне. Там правильный дневной свет, краски в нём играют по-особому.

— Вижу, вы отлично разбираетесь в живописи, — одобрительно кивнул я, прикидывая расположение здания. — Эта лестница ведёт в башню?

— Точно, — подтвердил обрадованный моей похвалой швейцар. — На третьем этаже кабинет господина директора, а выше — его личная мастерская.

— Благодарю вас, — улыбнулся я и направился к лестнице. — Я сообщу господину директору, что вы изо всех сил старались меня остановить.

— Да куда же вы, ваше сиятельство? — заголосил мне в спину швейцар, но останавливать меня не посмел.

Я поднялся на четвёртый этаж и постучал в единственную дверь.

— Что там ещё? — недовольно откликнулся густой мужской голос.

Объяснять цель своего визита через дверь показалось мне неудобным, поэтому я потянул на себя тяжёлую створку и вошёл в мастерскую.

Я оказался в просторном круглом помещении с высокими окнами. В простенках стояли законченные картины — ну, или мне они показались законченными. Некоторые из них были в рамах, другие просто натянута на доски. Я заметил среди картин натюрморт с фруктами, деревенский пейзаж и несколько портретов. Видимо, директор академии Художеств предпочитал работать в разных жанрах.

У дальней стены стоял длинный стол заваленный карандашными набросками. Рядом со столом на низком подиуме замерла обнажённая молодая девица с распущенными волосами. Её поза показалась мне неудобной, но я не слишком хорошо разобрался в искусстве.

Когда я вошёл, натурщица покачнулась, и удивлённо вскрикнула, но тут же приняла прежнюю позу и снова замерла.

В нескольких шагах от подиума за раскрытым мольбертом стоял человек, больше похожий на чиновника, чем на художника. Его недовольное лицо украшали пышные седые бакенбарды, поверх строгого костюма он натянул измазанный красками кожаный фартук, а в правой руке держал кисть.

Человек повернулся ко мне.

— Кто вы? — сердито спросил он. — Что вам нужно?

Я не успел ответить. Он тут же снова отвернулся к картине и стремительным движением сделал несколько мазков.

— Свет уходит, — прорычал он. — Ну вот, пожалуйста! Уже ушёл.

С этими словами он швырнул кисть в сторону стола, но промахнулся. Затем кивнул девице:

— На сегодня всё. Можете одеться.

Натурщица соскользнула с подиума и скрылась за шторой в дальнем углу мастерской. Пока она одевалась, я неторопливо осматривал мастерскую. Директор отвернулся к окну и любовался Невой, не замечая меня.

Когда полностью одетая девушка появилась из-за шторы, он небрежно протянул ей несколько монет.

— В пятницу, в час, — отрывисто сказал он.

Девушка присела в поклоне:

— Благодарю вас, господин директор.

Стрельнула в мою сторону любопытным взглядом и вышла.

Директор повернулся ко мне.

— Что вам угодно? — чопорно спросил он.

— Мы незнакомы, — вежливо улыбнулся я. — Граф Александр Васильевич Воронцов.

— Барон Фёдор Иванович Штольцер, — неохотно ответил директор. — Я слышал о вас. Вы руководите Императорской Магической академией?

— Верно, — кивнул я.

Он протянул правую руку так, чтобы я увидел его измазанную краской ладонь.

— Обойдёмся без рукопожатия. Так что привело вас ко мне, ваше сиятельство? Вы хотите сделать заказ?

— Моя супруга увлекается магической скульптурой, — объяснил я. — Она хотела принять участие в вашей выставке, но ей отказали, даже не взглянув на её работы. Я хочу знать причину отказа.

Штольцер насмешливо сдвинул седые брови.

— Прежде всего позвольте заверить вас, что я с уважением отношусь к любому творчеству, — заявил он. — Искусство облагораживает помыслы. Но выставка в академии Художеств должна познакомить публику с работами настоящих мастеров. Эти скульпторы долго и упорно учились, они отдали много лет своему мастерству. Опыт и многолетний труд — вот что помогает таланту развиваться. И хорошая школа, конечно же.

Ни капли уважения в его словах не было. Он с насмешкой относился к молодым выскочкам, и даже не скрывал этого.

— Где ваша супруга получала образование? — спросил Штольцер.

— Её работы выставлены в парке Императорской Магической академии, и они этого заслуживают, — твёрдо ответил я. — Елизавета Фёдоровна скульптор по призванию, а не по образованию.

— А Магической академией руководите вы, — ехидно заметил Штольцер.

Он балансировал на грани, но пока умудрялся не переходить её.

Я не стал устраивать перепалку. Вместо этого предложил:

— Покажите мне требования к авторам скульптур. Где-то написано, сколько им должно быть лет?

— Никаких требований нет, — неохотно признал Штольцер. — Специальная комиссия оценивает работы и отбирает подходящие для выставки.

— Тогда почему вы отказали Елизавете Фёдоровне, даже не взглянув на её скульптуры? — нарочно показав удивление, поинтересовался я.

Штольцер тяжело вздохнул и принялся развязывать тесёмки своего кожаного фартука. Сняв фартук, он повесил его на вешалку, поднял с пола кисть и опустил её в стеклянную банку с какой-то бурой жидкостью.

— К чему эти споры, Александр Васильевич? — сменив тон, спросил он. — Я признаю, что мой секретарь отказал вашей супруге не совсем по правилам. Я даже готов принести Елизавете Фёдоровне извинения за него. Но ведь он сделал это в её интересах.

Он сокрушённо покачал головой.

— Сейчас всё можно представить так, будто ваша супруга и не собиралась участвовать в выставке. Но если она подаст официальную заявку, мы будем вынуждены собрать комиссию для оценки её работ. Разумеется, комиссия ей откажет, и тогда об этом узнает публика. К чему вам такие сложности?

Штольцер говорил очень убедительно, вот только провести меня ему не удалось. Мой магический дар бдительно встрепнулся.

Прислушавшись к нему, я весело улыбнулся директору академии Художеств.

— Дело вовсе не в ваших предубеждениях, так? — прямо спросил я. — Точнее, этих предубеждений у вас полно. Вот только вы отказали Елизавете Фёдоровне по другой причине. Вы ведь знаете о моём магическом даре? Можете ничего не говорить, я сам докопаюсь до правды. И позабочусь о том, чтобы правду узнали все.

Лицо Штольцера перекосила досада.

— Подождите, — быстро сказал он. — Вы не оставляете мне выбора, Александр Васильевич. Хорошо, я назову вам настоящую причину. Князь Долгоруков дал значительную сумму денег на устройство выставки. Кроме того, он владеет скульптурой, которая должна стать главным экспонатом, и согласился бесплатно выставить её. Но князь выдвинул жёсткое условие — никто из Воронцовых не должен участвовать в выставке. Поймите, я не могу отказать ему в этом, он просто заберёт свои деньги и “Воплощённую магию”.

— Какую магию? — не понял я.

— Так называется скульптура, — несчастным голосом объяснил Штольцер. — Я согласился на условия князя, а что мне оставалось делать? Выставка — это огромные затраты. И тут приходите вы, и...

Замолчав, он развёл руками.

— Сожалею, что своим визитом поставил вас в неловкое положение, — усмехнулся я, постаравшись, чтобы никакого сожаления в моём голосе не было.

— Поговорите с князем, — предложил директор академии. — Если он снимет своё условие, я с радостью приму работы вашей супруги.

Глава 5

Разумеется, я не собирался ни о чём договариваться с князем Долгоруковым. Но то, что его фамилию я слышал сегодня во второй раз, выглядело подозрительно.

Хотя, это могло быть и совпадением. Вряд ли попытка ограбления дома князя и его участие в выставке магических скульптур связаны между собой.

— Вам от меня ещё что-то нужно? — спросил Штольцер.

Директор академии Художеств выглядел подавленным. Ещё бы — я только что заставил его признаться в том, что он нечестно отбирал работы для выставки.

Наверное, я мог бы сейчас дожать его и добиться того, чтобы Лиза участвовала в выставке вопреки желанию князя Долгорукова. Но я не хотел делать это за спиной Лизы.

— Мне интересно взглянуть на скульптуру, ради которой вы затеяли нечестную игру, — сказал я, не щадя самолюбие Штольцера. — На эту “Воплощённую магию”. Она здесь?

Штольцер отвёл взгляд, чтобы не выдать своего раздражения. Он прекрасно понимал, что находится у меня в руках, и не мог позволить себе ссору со мной.

— Князь Долгоруков обещал привезти скульптуру сегодня. Я жду её с минуты на минуту.

— Прекрасно, — улыбнулся я. — Время до вечера у меня свободно, так что подождём вместе. А пока я выпил бы кофе.

Ему было неприятно моё присутствие, именно поэтому я и не собирался уезжать. Негодяям нужно доставлять неприятности, возможно, это заставит их задуматься о своих поступках.

Пока директор просил принести нам кофе, я послал зов Лизе.

— У меня для тебя хорошие новости. Секретарь академии отказал тебе не потому, что ему не нравятся твои работы. Он сделал это по просьбе князя Долгорукова. Князь дал академии деньги на устройство выставки, а ещё он очень зол на меня. Вот и добился того, чтобы тебе отказали.

— Мерзавец! — жарко сказала Лиза.

Я удивлённо хмыкнул — никогда не слышал, чтобы Лиза выражалась так резко.

— Директор готов лично извиниться перед тобой, если ты этого хочешь, — предложил я.

— Не хочу его видеть, — мгновенно ответила Лиза. — И участвовать в выставке не стану, даже если они будут меня умолять. Но настроение у меня улучшилось. Спасибо, Саша.

— Вот и замечательно, — улыбнулся я. — Я ещё немного побуду здесь, постараюсь сделать так, чтобы директор академии надолго запомнил нашу встречу. А потом, как и обещал, заеду за тобой.

Секретарь директора принёс мне кофе, а Штольцеру — чай с малиновым листом. Он был похож на вяленую щуку — такой же длинный и невозмутимый, с глазами навывкате.

Разумеется, секретарь знал, кто я такой, но не показал виду и не занервничал под моим любопытным взглядом.

— Фёдор Иванович, скоро приедет князь, — тихо сказал он, наливая Штольцеру чай.

Это прозвучало как вежливое напоминание, но снисходительные нотки в тоне секретаря заставили меня насторожиться.

— Знаю, — нервно ответил директор. — Ступайте, голубчик.

Секретарь бросил на меня ещё один взгляд и вышел.

Когда он закрыл за собой дверь мастерской, я спросил Штольцера:

— Натурщиц вам тоже подбирает он?

Директор дёрнулся, как будто я ткнул в него иголкой:

— На что вы намекаете?

— Это прямой вопрос, — улыбнулся я. — Вы известный художник, Фёдор Иванович, поэтому подробности вашей биографии так интересны. Как зовут девушку, которая вам позировала?

— Это одна из моих студенток, — неохотно ответил Штольцер. — Она сама предложила. В этом нет ничего странного.

— У неё сложности в учёбе? — предположил я. — Или материальные затруднения?

Штольцер крепко сжал губы.

— У нас простая договорённость. Студентка мне позировает, а я ей плачу, вот и всё.

Он нетерпеливо поёрзал в кресле. Директору академии хотелось поскорее избавиться от меня, но он не мог позволить себе этого.

— Говорят, в дом князя Долгорукова недавно проник грабитель, — как ни в чём не бывало продолжил я. — Вы что-нибудь слышали об этом?

— Князь упоминал об этом происшествии, но я его не расспрашивал, — нервно ответил Штольцер.

— Говорят, вора интересовали деньги, — улыбнулся я. — А может быть он хотел поживиться предметами искусства? Насколько я понимаю, князь Долгоруков — настоящий ценитель? Наверняка в его доме есть ценные экспонаты. Взять хотя бы эту “Воплощённую магию”.

Я спрашивал наугад, не стараясь узнать что-то конкретное. Честно говоря, мне просто нравилось донимать Штольцера вопросами.

— “Воплощённая магия” — это скульптура, и весит она соответственно, — ответил Штольцер. — Как бы грабитель её унёс?

Это прозвучало почти грубо.

— Хороший вопрос, — довольно кивнул я. — А что, если у него были сообщники? Какой-нибудь маг воздуха, например?

— Тогда этот маг должен быть невидимкой, — насупился директор. — И статую сделать невидимой. Послушайте, господин Воронцов, я ничего не знаю про ограбление. К чему эти домыслы?

— Это хорошая разминка для ума, — рассмеялся я. — И верное средство, чтобы сократить время.

Штольцер на минуту прикрыл глаза, к чему-то прислушался и с облегчением кивнул:

— “Воплощённая магия” уже здесь. Сейчас её отнесут в зал и поставят на место. Кстати, князь Долгоруков тоже приехал, если хотите, можете поговорить лично с ним.

— Благодарю вас, я так и поступлю, — кивнул я и поставил чашку на стол.

Мы с директором спустились в холл академии, и тут произошла неожиданная встреча. Ко мне бросился Репей:

— Привет, Тайновидец! Как я рад тебя видеть!

Его братья тоже были здесь — они застенчиво улыбались, стоя в стороне.

— А вы что здесь делаете? — удивился я. — Также интересуетесь современным магическим искусством?

— Чем? — изумился Репей. — Нет, конечно! Как ты мог такое подумать? Мы проверяем системы магической охраны. Академия пригласила нас потому что мы лучшие.

Он гордо приосанился.

— Отличный выбор, — одобрительно кивнул я Штольцеру.

— Вы знакомы? — насторожился директор академии.

В его глазах сверкнул огонёк угрюмой подозрительности.

— Тайновидец напал на наш след, когда мы ограбили ювелирную лавку, — похвастался Репей. — А потом отыскал нас в магическом пространстве и заставил вернуть украденное. А ещё добился, чтобы кладовиков признали гражданами Империи.

Это заявление только усилило подозрительность Штольца.

— Хочешь хороший совет? — тихо спросил я Репея.

— Конечно, — с энтузиазмом кивнул кладовик. — Правильный совет дороже золота.

— Не рассказывай своим заказчикам о том, что раньше вы занимались грабежами.

— А как тогда они поймут, что мы разбираемся в своём деле? — изумился Репей. — Кто лучше грабителей знает магические защиты?

— Но так можно потерять заказ, — заметил я.

— Иногда такое случается, — согласился кладовик. — Но редко. Заказчики боятся, что мы их ограбим, если они откажутся от наших услуг.

— Об этом я не подумал, — признал я.

Судя по озабоченному виду Штольца, он тоже не подумал о таком варианте.

— Я не собираюсь отказываться от ваших услуг, господа, — поспешно заверил он кладовиков.

— Вот видишь, — торжествуя кивнул мне Репей.

К нам снова подошёл секретарь Штольца.

— “Воплощённую магию” уже выгружают, — тихо сказал он директору академии. — Князь сам приехал убедиться, что с ней всё будет в порядке.

Он снова сказал “князь”, не называя фамилии. Такое впечатление, что для секретаря существовал только один князь — Долгоруков.

Надо проверить, не сочетается ли секретарь службу в академии с работой на род Долгоруковых. Это меня несколько не удивило бы.

Широкие двери парадного входа снова распахнулись. Четверо магов воздуха внесли в холл академии тяжелый деревянный ящик, похожий на саркофаг. Вернее, ящик летел между ними, а маги осторожными движениями задавали направление его полёта.

Вслед за магами шёл князь Долгоруков. Мы с ним были знакомы — виделись на суде над его отцом. И потом, когда князь пытался сманить из нашей академии преподавателей для своего университета.

Разумеется, Штольцер предупредил Долгорукова о том, что я здесь, и князь сразу отыскал меня взглядом.

Редко в чьих глазах я видел такую беспощадную ненависть.

Рядом с князем шёл не менее примечательный человек. Он был в мешковатой куртке свободного кроя и круглом берете, сидевшим набекрень. Из-под берета выбивались длинные чёрные волосы. Он со скучающим видом смотрел поверх наших голов, демонстрируя презрение к тому, что происходило вокруг.

Один из магов воздуха споткнулся, и ящик со скульптурой чиркнул углом по каменному полу.

— Осторожнее, растяпы! — скривился незнакомец в берете. — Вы не расплатитесь, если повредите мою работу.

Понятно, значит, это тот самый скульптор, который изваял “Воплощённую магию”.

Долгоруков не стал здороваться со мной, зато повелительно кивнул Штольцеру:

— Куда нести скульптуру?

Штольцер сразу забыл обо мне, засуетился и бросился показывать дорогу:

— Прошу сюда!

Он сам распахнул двери, которые вели из холла академии в соседний зал.

Маги воздуха повлекли в двери тяжеленный саркофаг. За ними направились князь Долгоруков и пока неизвестный мне скульптор.

— Я бы показал тебе, как устроена наша магическая защита, Тайновидец, но не могу, — с сожалением сказал Репей. — Зато ты можешь посмотреть на статуи, если хочешь, конечно.

— И на том спасибо, — рассмеялся я.

И мы вошли в зал вслед за остальными.

Честно говоря, скульптуры как-то терялись в этом огромном пространстве. Они казались безделушками, которые кто-то разбросал по комнате.

Я удивлённо хмыкнул. Некоторые скульптуры выглядели так странно, что я бы не принял их за произведения искусства, если бы не заботливо привинченные к постаментам таблички.

Первым мне попался на глаза моток ржавой проволоки. Он выглядел так, словно его подобрали на свалке. Из клубка железа во все стороны торчали острые проволочные концы.

Я прочитал название: “Уходящий дар”.

Наверное, в этом заключался высокий смысл, но я не смог его уловить.

К другому постаменту были прикручены два деревянных башмака, судя по размеру, женских. Только башмаки, и больше ничего.

Эта скульптура называлась “Полёт ведьмы”. А башмаки, очевидно, свалились с ведьминых ножек, когда она набирала высоту.

Третья скульптура казалась живой — её автор использовал магию иллюзий. На гладкой каменной поверхности время от времени появлялся след босой человеческой ноги. След становился глубже, затем исчезал и снова появлялся.

Автор назвал свою работу “По следам тайны”, и я покачал головой, когда понял, что скульптура посвящена мне.

Рабочие тем временем распаковывали скульптуру, которую привёз князь Долгоруков. Директор академии Штольцер стоял у них над душой, то и дело вскрикивая:

— Осторожнее! Осторожнее, прошу вас!

Судя по злым взглядам рабочих, директор им только мешал.

Я подошёл поближе.

Князь Долгоруков почувствовал мой взгляд, не выдержал и обернулся.

— Что вам здесь нужно? — злобно спросил он. — Пришли просить, чтобы работы вашей жены взяли на выставку?

Он сразу же решил вывести меня из себя. Разумеется, я не поддался — к чему доставлять князю удовольствие? Выдержка у меня была отменная, её отлично закалили многолетние перепалки с отцом.

— Ни в коем случае, — искренне ответил я. — Елизавета Фёдоровна работает совсем в другом стиле. Я слышал, ваш дом недавно пытались ограбить?

— И что из того? — удивился князь.

На секунду он растерялся, я выбил его из колеи своим неожиданным вопросом.

— Говорят, грабитель был очень умелым взломщиком, — улыбнулся я. — А ваш дом надёжно защищён, вор не мог не догадываться об этом. И всё-таки полез к вам.

— Люди часто совершают глупые поступки, — фыркнул Долгоруков.

— Возможно, — кивнул я. — Но обычно для этого у них есть причины. А тут — просто деньги из сейфа. Он мог бы ограбить любой магазин и скрыться с выручкой. Может быть, он пробрался к вам в дом не за деньгами?

Похоже, моя догадка попала в цель — я почувствовал, как князя охватил страх. Но Долгоруков тут же справился с собой.

— А вы у вора и спросите, — ехидно посоветовал он.

— Возможно я так и сделаю, — серьёзно согласился я.

Кое-что уже прояснилось. В этом деле с грабежом не всё было так просто, как показалось полиции.

— Если хотите, я попрошу кладовиков осмотреть вашу магическую защиту, — с улыбкой предложил я. — Эта услуга не всем по карману, зато потом сможете спать спокойно.

— Я и так хорошо сплю, — огрызнулся князь. — Ваша помощь мне не нужна.

— Как хотите, — вежливо улыбнулся я.

Хитрость не удалась, придётся мне узнавать о магических защитах князя другим путём.

Я решил, что могу подумать об этом позже, а пока вернулся к разглядыванию скульптуры. Её уже достали из ящика и теперь стряхивали с неё налипшую древесную стружку.

Я увидел перед собой покрытое золотой чешуёй существо с коротким бочкообразным туловищем. Оно стояло на задних лапах и опиралось на толстый хвост. За спиной существа топорщились короткие перепончатые крылья, а ещё у него было две головы — и каждая злобно скалилась и пучила круглые глаза.

— Ничего себе! — присвистнул я.

Видимо, скульптор принял моё изумление за похвалу.

— Вам нравится? — надменно спросил он. — Разрешите представиться — Мирон Блестящев, магистр искусств. Перед вами Страж Магии, я ваял его по описаниям очевидцев.

— Правда? — удивился я. — Насколько мне известно, у Стража три головы.

— Это не важно, — капризно ответил скульптор. — Важен символизм. Реальность ничего не стоит без символов. Две головы моего изваяния символизируют две стороны магии — светлую и тёмную. Третья была бы лишней.

Прислушавшись к его эмоциям, я понял, почему он так обидчив. Все заказчики Блестящева были намного богаче его и выше по положению. Чтобы не теряться в разговоре с ними, он прикидывался избалованным ребёнком.

— А что означает туловище, похожее на бочонок и короткие лапы? — поинтересовался я.

— Устойчивость, конечно, — фыркнул Блестящев. — Магия должна быть надёжной.

— Кому она должна? — изумился я.

— Магам, конечно. То есть, нам. Ненадёжная магия ничего не стоит.

— Зато попытки перекроить магию по своему вкусу иногда очень дорого обходятся, — улыбнулся я. — И всё-таки, у Стража Магии три головы, вам бы самому посмотреть. Всего хорошего, господа!

Глава 6

Разговор с князем Долгоруковым меня не разочаровал. Князь явно что-то скрывал, а я почувствовал это, но не показал виду. Я решил понаблюдать за князем и узнать, какую каверзу он задумал.

В том, что Долгоруков что-то затевает, я не сомневался. Этому обидчивому аристократу не живётся спокойно.

Пожалуй, нужно будет убедить Никиту Михайловича приставить к Долгорукову слежку.

С этими мыслями я вышел из Академии художеств. Настроение у меня было отличное, к тому же, на улице ярко светило солнце, пахло тёплой землёй и распускающимися листьями. Мой спортивный мобиль блестел фарами, ему явно не терпелось снова прокатиться по улицам Столицы.

И тут мне пришла в голову удачная мысль. Я обещал Лизе, что заеду за ней в мастерскую, так почему бы не сделать любимой женщине сюрприз? Не стану посылать ей зов, а появлюсь неожиданно-негаданно.

С этой мыслью я уселся в мобиль, завёл мотор и влился в поток других машин на набережной.

Мастерская Лизы находилась в квартале Разбитых Статуй. Когда-то в нём любили снимать недорогое жильё начинающие скульпторы. Их работы далеко не всегда удавались, но имперская казна всё-таки выкупала их. Так она поддерживала молодые таланты – это было человечнее и дешевле, чем потом ловить их на мелком воровстве и отправлять на каторгу.

Неудачным статуям тоже находилось применение. Их разбивали на куски и мостили ими городские улицы.

До квартала Разбитых Статуй я добрался за четверть часа, затем сбавил ход и поехал медленно, с любопытством разглядывая обломки, украшавшие мостовую.

Первым на глаза мне попался каменный палец размером с человека. Он вертикально торчал из земли, отделяя проезжую часть от узкого тротуара. Неровный край гигантского ногтя выглядел так, будто его старательно грызли.

Затем я заметил посреди мостовой гладкий мраморный шар, он был на три четверти утоплен в землю. Оставалось только гадать, что это — геометрическое украшение или чья-то лысая макушка?

На следующем перекрёстке поперёк дороги был плашмя вкопан гранитный торс. Лишённый головы и конечностей, он лежал животом вниз. Каменные лопатки и ягоды удачно выполняли роль лежащего полицейского.

Миновав продуктовую лавку, я остановился возле нашей мастерской. Тут я заметил ещё один любопытный обломок. Это был каменный глаз величиной в половину моего мобиля.

Просто глаз без лица, но сделан он был мастерски. По белому мрамору змеились ярко-красные прожилки, похожие на кровеносные сосуды, зрачок был выточен из прочного чёрного камня и отшлифован так старательно, что блестел на солнце.

Мне показалось, что глаз следит за мной. На всякий случай я проверил, не живой ли он. Нет, это был просто камень без признаков жизни и следов магических чар.

Оставив мобиль у ограды, я вошёл в калитку, миновал небольшой сад и поднялся на крыльцо. Затем постучал в дверь, чтобы не напугать Лизу, и вошёл в мастерскую.

Мой магический дар настороженно заудел, я замер на месте от изумления.

Посреди мастерской стоял барон Корбун. Он повернулся ко мне спиной, но я сразу же его узнал. Эту осанку и заносчиво вскинутую голову просто невозможно было с кем-то перепутать.

Лизы я не увидел, и сердце болезненно сжалось.

Корбун стоял, слегка наклонив голову, будто к чему-то прислушивался. В правой руке он держал окованный серебром осиновый кол.

— Что вы здесь делаете? — резко спросил я, подходя к нему.

Корбан не шелохнулся.

На всякий случай я быстро пробормотал заклинание. Это была магия домовых, которая позволяла развоплотиться. Я надеялся, что она поможет, если барон снова захочет воткнуть в меня осиновый кол.

Затем я обошёл барона и увидел его лицо. Тут я второй раз онемел от изумления. Вместо лица у Корбуна был неровный камень.

— Демоны меня задери, это же статуя! — сообразил я. — Ничего себе.

Вернув себе тело, я несколько секунд разглядывал изваяние барона. Затем осторожно щёлкнул ногтем по каменному рукаву. Камень отозвался звонким щелчком.

Я удивлённо покачал головой и всё-таки послал зов Лизе:

— Привет. Я уже приехал к тебе в мастерскую, но вместо тебя меня встретил окаменевший вампир. Ты где?

— Я наверху, — весело отозвалась Лиза. — Пью кофе. Присоединяйся.

Я ещё раз взглянул на изваяние покойного барона и поднялся на второй этаж.

— Привет, — радостно улыбнулась Лиза, наливая мне кофе. — Что скажешь о моей новой работе?

— Я впечатлён, — честно признался я. — Барон совершенно как живой. Мне даже показалось, что сейчас он набросится на меня с осиновым колом. Как ты это сделала?

— Я нанесла на камень плетение магии Иллюзий, — призналась Лиза. — Научилась у наших знакомых актёров и решила попробовать.

— Вышло просто изумительно, — признал я.

Закономерный вопрос так и вертелся у меня на языке, но я не стал задавать его, чтобы не обидеть художника. Вместо этого спросил:

— А почему у него нет лица?

— Потому что я ещё не решила, каким оно должно быть, — ответила Лиза. — Как думаешь, сделать его надменным или испуганным?

— Сделай его разозлённым, — посоветовал я. — Именно так он выглядел перед своей гибелью.

— Я подумаю, — согласилась Лиза. — А как прошла твоя поездка в Академию?

— Чудесно, — улыбнулся я. — Познакомился с директором академии, господином Штольцером, оценил его художественный талант и сразу же уличил его в махинациях.

Потом встретил князя Долгорукова с его придворным скульптором и полюбовался их работой. Жуткая халтура!

— Ты познакомился с Мироном Блестящевым? — заинтересовалась Лиза. — И что он изваял для выставки?

— Господин Блестящий попытался изобразить Стража Магии, но вышло у него плохо, — рассмеялся я. — Он приделал Стражу на редкость уродливое туловище, и вдобавок где-то потерял одну голову.

— Странно, — удивилась Лиза. — Мирон Блестящев прославился изображениями аристократов. Я видела несколько его работ, он бессовестно льстит заказчикам. Изображает их могучими воинами или благородными мудрецами. Благодаря такой манере у него отбоя нет от заказов. Я думала, что он и Стража Магии приукрасит, а Блестящев изуродовал его.

— Если Мирон Блестящев такой хитрец, то он сделал это намеренно, — усмехнулся я.

— Зачем? — удивилась Лиза.

— Ты же сама сказала про его заказчиков. Большинство из них — влиятельные аристократы. Они привыкли к власти и контролю, настоящая магия их пугает. Вот господин Блестящев и угодил их тайным желаниям. Слушай, а статую Долгорукова он тоже делал?

— Наверное, — улыбнулась Лиза.

— Что-то слишком часто в последнее время мне попадается князь Долгоруков, — поморщился я. — Я рассказывал тебе, что мастер невезения Косогоров потерял свой дар после того, как проклял вора-домушника? А этот вор был арестован за то, что пытался ограбить дом князя Долгорукова.

— Ты думаешь, князь как-то связан с пропажей дара? — удивилась Лиза.

Я пожал плечами:

— Не знаю. Даже если и так — какая польза князю от того, что мастер невезения потерял свой дар. Ведь не присвоил же его Долгоруков. Хотя...

— У тебя снова гениальная идея? — обрадовалась Лиза, увидев выражение моего лица.

— Что-то вроде того, — кивнул я. — До сих пор я не задумывался о том, можно ли присвоить дар другого человека. Но твоя новая работа кое-о-чём мне напомнила. Ведь барон Корбун занимался именно этим — присваивал дар других магов. Правда, он-то был вампиром, но вдруг существуют и другие способы?

— Наверное, о них можно почитать в Незримой библиотеке, — предположила Лиза. — Давай сходим туда? Я с удовольствием повидаю Библиуса и господина Стременного.

— Мне и самому теперь не терпится попасть в Незримую библиотеку, — признался я. — Но ведь я обещал покатасть тебя на мобиле. А в Незримую библиотеку на нём не доедешь.

— Мы можем оставить мобиль здесь, — предложила Лиза. — Потом поедем на нём домой. Покатаешь меня не по вечерней Столице, а по ночной, так даже интереснее.

— Так и сделаем, — согласился я.

И всё-таки задал вопрос, который вертелся на языке:

— А почему ты решила изваять именно барона Корбуна? Эта работа подходила к твоему настроению?

— Нет, это заказ, — с гордостью ответила Лиза. — Только я не знаю от кого.

— Как это? — удивился я.

— Когда я приехала утром в мастерскую, то нашла на пороге письмо, — объяснила Лиза. — Оно было в простом конверте без подписи. Вот, погляди.

Она взяла со стола конверт и протянула его мне.

Я достал из конверта сложенный лист дорогой бумаги и прочитал строки, написанные красивым почерком:

— Уважаемая госпожа Молчанова! Прошу прощения за то, что не называю себя, пока я хотел бы остаться неузнанным. Хочу предложить вам большой заказ. Я собираюсь оформить свой особняк в готическом стиле. Для этого мне нужна статуя вампира. Ещё нужны скульптуры виверн, горгулий и летучих мышей. Пригодятся жабы, ящерицы и большие пауки. Для обсуждения деталей заказа и гонорара прошу вас приехать в дом барона Корбуна в любое удобное для вас время.

— Подозрительный заказ, — нахмурился я. — Надеюсь, ты не собираешься ехать в дом барона Корбуна, даже в удобное для тебя время?

— Только в твоём сопровождении, — улыбнулась Лиза. — Мне ужасно интересно посмотреть на этого таинственного заказчика.

— Мне тоже интересно на него посмотреть, — кивнул я. — Но я поеду один и захвачу с собой ещё один осиновый кол, просто на всякий случай. А ты подожди меня дома, ладно? Если

заказчик окажется безобидным шутником, я сам привезу его тебе и выбью из него хорошую премию.

— Договорились, — развеселилась Лиза. — Я тоже хочу приносить деньги в дом.

— Кто-нибудь говорил тебе, что графини обычно поступают наоборот? — расхохотался я. — Разбрасывают деньги направо и налево и спускают целые состояния на платья и драгоценности.

— Вот как? — изумилась Лиза. — Что же ты раньше молчал? Теперь непременно попробую.

— Странно, что этот неизвестный называет тебя госпожой Молчановой, — отсмеявшись, сказал я. — Всей Столице известно, что ты теперь графиня Воронцова.

— Может быть, он приезжий? — предположила Лиза. — Или просто не интересуется светской хроникой.

— Может быть, — согласился я. — Как только смогу выкроить время, съезжу в дом Корбана и расспрошу твоего таинственного заказчика. А сейчас давай повидаемся с Библиусом. Тайны и загадки наваливаются на нас сразу со всех сторон, но мы будем разгадывать их в порядке очереди

Для того, чтобы попасть в Незримую библиотеку требуются всего две вещи — подходящая дверь и сладкая выпечка.

С дверью затруднений не было, мне уже давно подходила любая из них. Да и без угощений я к Библиусу уже приходил, и он ни разу меня не выгнал. Но всё-таки традиции полагалось чтить, на то они и традиции.

— У тебя нет чего-нибудь сладкого? — спросил я Лизу.

— Есть, — смущённо призналась Лиза. — С утра я была так расстроена, что заказала в кондитерской целую коробку медовых и кремовых шаров. Но так ни одного и не съела.

Последние слова она произнесла с гордостью.

— Это замечательно, — как можно проникновеннее сказал я. — Где эта коробка?

Держа коробку с пирожными подмышкой, я протянул Лизе руку, а другой рукой взялся за ручку двери. На мгновение зажмурился, представляя себе Незримую библиотеку, затем толкнул дверь и шагнул вперёд.

Перед закрытыми глазами промелькнули клочья разноцветного тумана, который заполнял пространство между магическими мирами. Они исчезли так же быстро, как появились.

Я открыл глаза и увидел знакомый письменный стол, над которым медленно вращался большой золотой глобус, украшенный драгоценными камнями. Камни отмечали Места Силы — не только настоящие, но и давно исчезнувшие. И даже те, которым только предстояло появиться.

Широкий проход вёл прямо в круглый зал с фонтаном. По обеим сторонам от прохода тянулись бесконечные ряды шкафов, заполненных книгами. Здесь были книги на всех языках вселенной, в них можно было найти ответы на любые вопросы. Ну, почти на любые.

— Салют, незнакомцы! — восторженно приветствовал нас ломающийся детский голос.

Он старательно, но неумело копировал слова и интонации Библиуса и доносился откуда-то сбоку.

Я удивлённо повернул голову.

Из-за стеллажа застенчиво выглядывал смуглый парнишка с шапкой курчавых волос. На вид ему было лет двенадцать. А ещё на нём была набедренная повязка из шкур.

— А вы тоже великие шаманы? — не дождавшись нашего ответа, спросил парнишка.

— Салют, — немного придя в себя от удивления, ответил я. — Ты кто? И где Библиус?

— Моё имя Агулук, я ученик великого шамана Акатоша, — ответил парнишка. — Сегодня день моего посвящения. Учитель Акатош привёл меня в это священное место и познакомил с его хранителем.

Он переступил с ноги на ногу.

— По традиции в обряде посвящения должны участвовать пять великих шаманов, кроме моего учителя. Трое из них уже здесь, и учитель Акатош отправил меня встретить ещё двоих. Ведь это вы?

— Наверное, — улыбнулся я. — Проводи нас к господину Библиусу и учителю Акатошу, а там мы всё выясним.

Глава 7

— Как ты думаешь, кто этот пятый маг, который участвует в посвящении юного шамана? — шепотом спросила меня Лиза, пока мы шли по мозаичному полу Незримой библиотеки.

— Не знаю, — удивился я. — Давай считать. Библиус, Кирилл Алексеевич и мы с тобой — получается, четверо. Может, у парня плохо с арифметикой?

Юный шаман тем временем важно шагал впереди и не слышал наших перешёптываний.

Мы прошли мимо мозаики с изображением магического города джиннов Лачанги. По привычке я на секунду задержался и прикрыл глаза. Почти сразу картина ожила. Моего лица коснулся горячий сухой ветер пустыни, я услышал бесконечный шорох песка, пронзительные крики разносчиков воды на рыночной площади и стук молотков, с помощью которых искусные мастера-чеканщики украшали узорами медные кувшины.

Эти кувшины славились своими необычными свойствами. Чеканщики наносили на тонкие стенки сосудов не только узоры, но и магическое плетение, благодаря которому напиток внутри кувшина оставался холодным в любую жару.

— Как-нибудь мы с тобой выкроем парочку свободных деньков и отправимся в гости к Амиралю, — с улыбкой сказал я Лизе. — Ты обязательно должна попробовать лепёшки с мясом, которые готовят прямо на огне. Правда, они очень острые, но вкус такой, что язык проглотить.

— Обязательно попробую, — отважно кивнула Лиза.

Ученик Акатоша привёл нас в круглый зал, где журчал фонтан и цвела Туманная роза. Тут мы и получили ответ на свой вопрос.

За накрытым столом, кроме Акатоша, Библиуса и Кирилла Алексеевича Стременного сидел капитан Фёдор Кораблёв.

Этому человеку выпала удивительная судьба. В молодости он учился на морехода и влюбился в девушку из княжеского рода Долгоруковых. Они поженились тайком от влиятельных родственников девушки.

Но глава рода Долгоруковых подстроил дело так, что Фёдора Кораблёва ложно обвинили в государственной измене и сослали на каторгу.

В ссылке Кораблёв пробыл шестнадцать лет. Служил матросом на судах, которые исследовали Северные моря, потом стал капитаном. Он знал, что в Столице у него растёт сын, но не имел возможности увидеться с ним или со своей женой.

Когда нашему роду понадобился капитан для экспедиции к Месту Силы, мой дед убедил императора вернуть Кораблёва из ссылки.

С моей помощью выяснилось, что обвинение против него было подстроено старым князем Долгоруковым. Пытаясь скрыть обман, Долгоруков даже применил тёмную магию, но Никита Михайлович взял его с поличным.

Старый князь был арестован и умер в казематах Петропавловской крепости, а у рода Долгоруковых появился новый глава. Долгоруковы винили меня в смерти старого князя, и между нашими родами разгорелась вражда.

Но самое главное — на севере у Кораблёва открылся магический дар. Он научился разговаривать с духами, стал шаманом. Духи помогали ему находить курс в тумане и предсказывали штормы.

А теперь дар привёл капитана в Незримую библиотеку.

— Я мог бы и догадаться, кого Агулук назвал пятым магом, — улыбнулся я. — Салют, господа!

— Рад видеть вас, Фёдор Иванович, — поздоровавшись со всеми, сказал я Кораблёву. — Как идёт подготовка к экспедиции?

— Все корабли уже спущены на воду, — довольно ответил Кораблёв. — Такелажники заканчивают с оснасткой. Одно-два проверочных плавания, и можно будет грузить припасы. Мы должны отправиться не позже середины лета.

— Почему так поздно? — удивился я. — Мне казалось, на север лучше отправляться весной.

— Так и есть, — рассмеялся капитан. — Вот только весна в Северных морях наступает не раньше июня, а в конце августа снова приходят холода. Так что мы должны обернуться за два месяца, иначе придётся зимовать во льдах.

— Не хотелось бы, — честно сказал я. — У меня другие планы на этот год, а я отправляюсь с вами.

— Вы решили сами возглавить экспедицию? — доброжелательно поинтересовался Кораблёв.

— Так уж вышло, — кивнул я. — Страж Магии попросил меня передать привет своему коллеге. Другому Стражу, который как раз охраняет Место Силы, которое нам предстоит разыскать. Но все капитанские полномочия остаются у вас — куда мне тягаться с вашим опытом.

— Я рад, что вы отправляетесь с нами, — просто ответил Кораблёв. — Так мне будет намного спокойнее. Да и духи стихий хорошо слушаются вас.

Духи стихий тоже должны были принять участие в экспедиции. На них лежала ответственность за то, чтобы ветер был попутным, волны не слишком бушевали, а паруса не покрывались ледяной коркой.

— Значит, ты заранее знал, что мы придём? — спросил я Библиуса.

Ничего удивительного в этом не было. В пределах Незримой библиотеки её хранитель всемогущ, и это совсем не преувеличение.

Меня удивило другое. Ещё полчаса тому назад я и сам не знал, что отправлюсь в Незримую библиотеку. А ведь ритуал к тому времени уже начался, ждали только нас с Лизой.

— Я не знал заранее, — покачал головой хранитель Незримой библиотеки. — Магия знала. Она привела сюда Акатоша и его ученика именно в то время, когда обряд мог исполниться. Акатош предлагал послать тебе зов, но я решил просто подождать. И вот вы здесь.

— Как обычно, я пришёл с вопросом, — улыбнулся я. — Но сейчас мне интересно, в чём заключается обряд посвящения в шаманы.

— Сначала я поделюсь с учеником частью своей магической силы, — ответил Акатош. — А потом он вызовет своего первого духа.

— Поделишься частью силы? — заинтересовался я. — А как?

— Это не сложно, было бы желание. Ну, и талант учителя, конечно.

— Не сомневаюсь, что такой талант у тебя есть, — улыбнулся я.

Услышав мои слова, Агулук с гордостью посмотрел на своего учителя. Он хотел что-то сказать, но Акатош строго взглянул на него, и Агулук прикусил язык.

— Ученику нужно больше слушать и меньше говорить, — как бы невзначай заметил Акатош. — Тогда его дар крепнет быстрее.

— Я запомню, учитель, — почтительно кивнул юный шаман.

— Я и не знал, что у тебя есть ученик, — усмехнулся я. — Раньше ты ничего не говорил о нём.

— Не говорил, потому что никто не должен знать о шамане до его рождения, — серьёзно ответил Акатош.

— До рождения? — удивился я. — Но этот вежливый юноша родился лет двенадцать или четырнадцать назад. точнее на глаз не определить.

— Тринадцать лет назад родился несмышлёный Агулук, — объяснил Акатош. — А шаману Агулуку рождение только предстоит. Оно произойдёт сегодня. Или не произойдёт, если духи будут против.

— А для чего тебе нужны ещё пять магов? — не унимался я. — Ты будешь делиться своей силой с учеником, а нам что делать?

— Вы будете свидетелями того, что я отдаю часть своей силы по доброй воле, — ответил Акатош. — Это очень важно. Иначе духи могут обвинить моего ученика в тёмной магии, а тёмный маг не должен становиться шаманом. Эта магия доступна только человеку, который чист сердцем.

— Вот, теперь я всё понял, — довольно кивнул я. — Если какой-нибудь дух здесь появится, мы с Елизаветой Фёдоровной дадим ему слово, что ты поделился силой добровольно.

Тут я заметил, что лицо Агулука огорчённо вытянулось, и торопливо поправился:

— Не “если”, а “когда”. Когда появится дух, мы подтвердим, что твой поступок был добровольным.

Мне очень не хотелось вселять в юного шамана сомнения. Именно они больше всего мешают магии, я хорошо это знал.

— Ты готов принять часть моей силы? — сурово спросил Акатош своего ученика.

Агулук зажмурился и решительно кивнул.

— Тогда принеси клятву, — потребовал шаман.

— Клянусь всегда хранить в чистоте своё сердце и помыслы, — торжественно произнёс Агулук. — Клянусь почитать духов и прислушиваться к их словам.

Вначале Агулук запнулся, но затем его голос окреп.

— Клянусь никогда не обращать свою силу против своего учителя.

Услышав эти слова, Фёдор Иванович Кораблёв довольно кивнул.

— Это важная часть клятвы, — тихонько объяснил он нам с Лизой. — Она защищает ученика от ошибки.

— Вот как? — удивился я. — Мне казалось, что это обещание защищает самого Акатоша.

— Нет, — покачал головой Кораблёв. — Если понадобится, шамана отлично защитят духи, да и сама магия вступится за него. И тогда жадного ученика можно только пожалеть. Эта клятва защитит Агулука от искушения завладеть уже знакомой силой. Он никогда не решится нарушить обещание, которое произнёс вслух в магическом пространстве, да ещё и в присутствии пятерых свидетелей.

— Вот оно что, — понял я.

— Клянусь сдерживать своё обещание в любом мире, под любыми звёздами, — нараспев произнёс Агулук. — Пусть духи и маги будут свидетелями моего слова.

Он замолчал и глубоко вдохнул.

— Хорошо, — кивнул Акатош. — А теперь нам нужен огонь.

Библиус взмахом руки воплотил жаровню, затем щёлкнул пальцами, и в жаровне вспыхнуло пламя.

Акатош достал из складок меховой повязки небольшой кожаный мешочек, развязал его и бросил в огонь щепотку тёмного порошка.

Мы с интересом наблюдали за его действиями.

Порошок мгновенно сгорел. По круглому залу распространился лёгкий аромат благородного дерева с нотками смолы.

Акатош подошёл к ученику и положил ладонь ему на макушку.

— Я добровольно отдаю часть своей силы будущему шаману Агулуку, — отчётливо произнёс он. — Духи и маги, будьте свидетелями!

Мой магический дар негромко загудел, а по круглому залу прокатилась волна тепла. Я понял, что магия услышала слова Акатоша.

— Тебе осталось сделать последний шаг, — обратился Акатош к ученику. — Возьми бубен и призови своего первого духа.

— Возьми мой, на счастье, — предложил Агулуку Кораблёв и протянул ему бубен, туго обтянутый выделанной оленьей кожей и деревянную колотушку.

Агулук растерянно взглянул на учителя.

— Это хороший подарок и хорошая примета, — кивнул Акатош. — Бери.

Агулук с поклоном принял бубен.

— Благодарю тебя, великий маг, — почтительно сказал он Кораблёву.

Затем осторожно провёл смуглыми пальцами по тугой коже. Ударил колотушкой, и бубен отозвался грозным густым гулом:

— Бум-м!

Агулук монотонно бил в бубен, нараспев повторяя заклинания на неизвестном древнем языке. Ритм проникал в тело, мой магический дар отзывался на него. Чуть повернув голову, я заметил, что Лиза прикрыла глаза и погрузилась в транс. Кораблёв постукивал пальцами по столу, Библиус кивал, Акатош мерно кивал.

Лёгкие волны магии мерно накатывали на меня под завораживающий рокот бубна и снова отступали. И вдруг я почувствовал, что рядом с фонтаном магия пульсирует по-другому. Ритм отличался совсем немного, но я уловил это отличие. Как будто небольшой сгусток магической энергии жил своей собственной жизнью.

Я посмотрел в нужную сторону и увидел рядом с фонтаном прозрачный силуэт, похожий на призрака.

Ага! Кажется, один из духов явился на призыв Агулука.

Сначала я от души порадовался за парнишку — для него вызов первого духа был серьёзным испытанием. И только потом удивился тому, что вижу духа.

А дух постепенно сгущался и становился всё больше похож на обычного человека. Тут я удивился ещё больше — где-то я определённо видел эту лысину, густую бороду, нос картошкой и хитрый прищур умных глаз.

— Смотри, призрак появился, — шепнул я Лизе.

— Где? — удивилась Лиза, широко раскрыв глаза.

— Да вот же он, видишь. Слушай, я точно его где-то видел.

Явившийся по зову шамана дух сгустился ещё больше.

— Ага, вижу! — радостно воскликнула Лиза. — Слушай, а почему он так одет?

— Наверное, это очень древний дух, — предположил я. — Кажется, такую одежду и сандалии на кожаных ремешках носили древние греки.

Именно одежда и помогла мне вспомнить.

Точно! Мраморный бюст этого человека стоял в коридоре Императорского магического лица, где я учился. Он стоял прямо возле кабинета директора. И человек точно так же хитро шурился, как будто выжидал подходящий момент, чтобы задать какой-нибудь каверзный вопрос.

— Это же Сократ, — неожиданно громко сказал я. — Наш молодой шаман призвал дух Сократа.

Бубен растерянно смолк — моё восклицание прервало транс Агулука.

Но дух древнего философа никуда не исчез. Наоборот, он окончательно потерял прозрачность и превратился в обычного человека.

Сократ поправил свою странную одежду — кажется, она называлась гиматием. Затем обвёл взглядом стеллажи с книгами, доброжелательно посмотрел на нас и поднял руку в приветственном жесте:

— Хайре, уважаемые! Как же приятно снова оказаться здесь.

Глава 8

— Я всё испортил, да? — чуть не плача, спросил своего учителя Агулук. — Ведь дух должен был исчезнуть, когда я вышел из транса. Почему он ещё здесь?

Юный шаман с обидой посмотрел на Сократа.

— Ты всё сделал правильно, — улыбнулся Сократ. — Но когда я увидел, куда ты меня призвал, то решил ненадолго задержаться. Я очень давно не был в Незримой библиотеке. Кроме того, я не совсем дух. Вот, потрогай.

Сократ протянул Агулуку ладонь. Но Агулук обиженно спрятал руки за спину и отвернулся. Тогда Сократ сам дотронулся до его плеча.

— Я вполне живой, — рассмеялся он.

— Ты призвал настоящее магическое существо, — сказал Акатош своему ученику. — А это куда труднее, чем призвать духа. Считай, что ты с честью выдержал испытание.

Агулук немедленно надулся от гордости. И даже соизволил поздороваться с Сократом:

— Здравствуй, великий маг.

— Хайре, — не моргнув глазом, ответил Сократ.

— Значит, ты уже бывал здесь раньше, уважаемый философ? — не удержался я.

Сократ с любопытством посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на Лизу.

— Тайновидец и Летописец, — одобрительно кивнул он. — Один разгадывает магические тайны, другая рассказывает о них людям. Замечательно!

Он снова улыбнулся.

— Когда-то я был хранителем этой библиотеки. Магия соблазнила меня знаниями других миров, и я с радостью сменил на этом почётном посту египтянина с труднопроизносимым именем. Сейчас мне трудно даже вспомнить, сколько упоительных часов я провёл за чтением собранных здесь книг. Сколько невообразимых и волшебных историй мне открылось.

Он радостно кивнул своим воспоминаниям.

— Ничего себе, — изумлённо сказал я. — В таком случае позволь познакомить тебя с нынешним хранителем. Это Библиус Марий Петроний. Насколько я понимаю, он стал хранителем Незримой библиотеки после тебя.

— Салют, — вежливо поднял руку Библиус.

Он был удивлён куда меньше меня.

— Библиус, а ты знал, что у библиотеки были и другие хранители? — спросил я.

— Догадывался, — пожал плечами Библиус. — Кто-то ведь собрал все те книги, которые были здесь до меня.

— Хотите чашечку кофе? — предложила Сократу Лиза. — У нас есть вкусные пирожные.

— Хочу, — немедленно кивнул философ. — Никогда не пробовал ни того, ни другого. Нельзя упускать возможность испытать новые ощущения.

На всякий случай я сварил для Сократа самый слабый кофе, на который был способен. Философ попробовал и удивлённо задумался.

— Этот напиток похож на жизнь, — наконец, заключил он. — Невыносимо горько, но бодрит, и оторваться невозможно.

— Расскажи, как ты стал хранителем, — попросил я. — И главное — почему перестал им быть?

— А если я скажу, что это тайна? — лукаво прищурился Сократ.

— Тогда я тем более захочу узнать.

— На самом деле, никакой тайны нет, — рассмеялся философ. — Я всю жизнь интересовался людьми и магическими знаниями. И когда узнал, что могу стать хранителем огромной

магической библиотеки, чуть не сошёл с ума от радости. Подумать только, всё, что от меня требовалось — читать сутки напролёт. Именно так я представлял себе счастливую жизнь.

Сократ усмехнулся.

— В ту пору у меня сложились не самые лучшие отношения с властями моей родины. Меня даже посадили в тюрьму за то, что я слонялся по базарам и смущал умы почтенных горожан каверзными вопросами. А потом приговорили к чаше с ядом за непочтительное отношение к суду. Они думали, что это казнь, но на самом деле это был шанс. Я выпил яд и отправился прямым путем сюда.

Философ протянул руку и ласково погладил корешок книги на ближайшей полке.

— Несколько веков я был абсолютно счастлив. Читал и не мог оторваться, а иногда отвечал на вопросы магов, которые умудрялись добираться сюда. Но однажды случилось так, что несколько лет в библиотеке никто не появлялся. И я заскучал, чем дальше — тем больше. Я понял, что тоскую по живому человеческому общению, по жаркому солнцу, по утреннему холоду каменных плит под босыми ногами, по вкусу маслин, сорванных прямо с дерева. Я скучал даже по кислому вину, которым славилась моя родина. И я стал отлучаться из библиотеки. Сначала ненадолго, а потом неделями пропадал в разных магических мирах. Бродил по базарам, знакомился с невероятными существами и расспрашивал их о том, как они живут. Оказалось, что это и есть моя настоящая жизнь. Понимаешь, Тайновидец, иногда нужно расстаться со старой жизнью только для того, чтобы понять, как ты её любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.